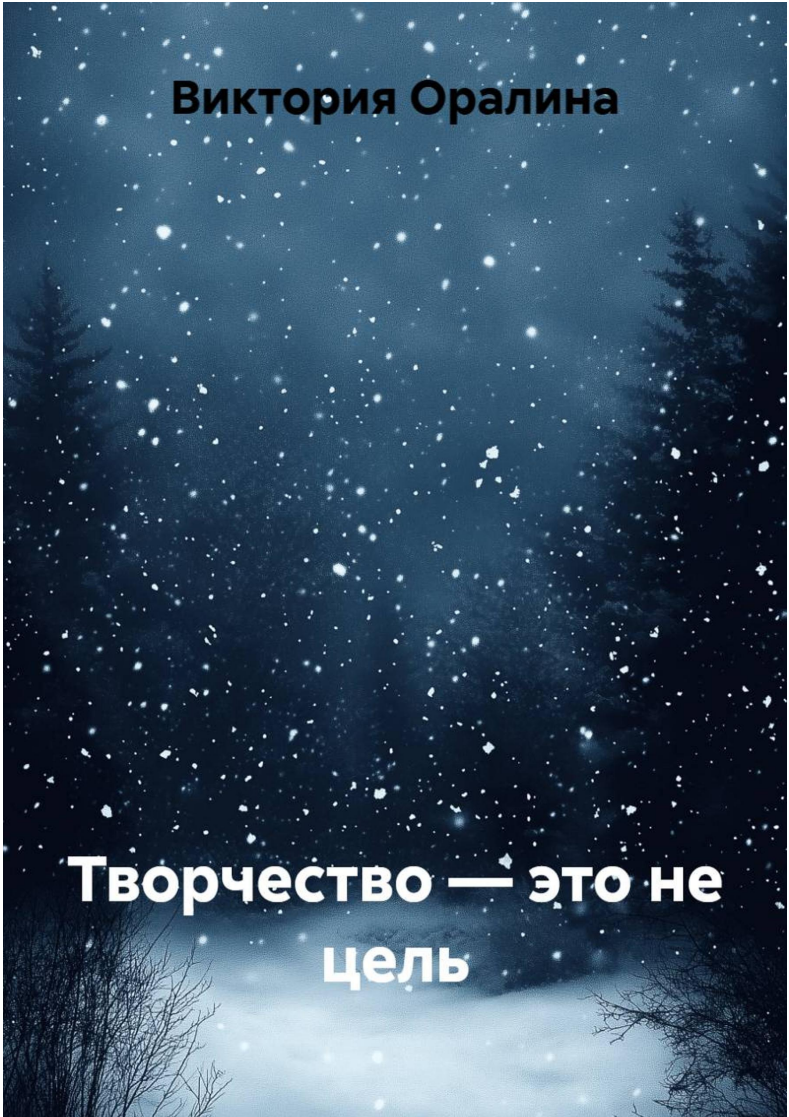

Виктория Оралина
Творчество — это не цель

Виктория Оралина

Творчество — это не цель

https://litres.ru/74764697
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга, возможно, и не будет заметно отличаться от предыдущих, но если мне удастся зацепить читателя своим творчеством, если его внимание откликнется на то, что я вложила в эти страницы, то я буду искренне рада.

Содержание

Предисловие. 5
Счастье 14
Гроза 23
Смысл 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Виктория Оралина
Творчество — это не цель

Предисловие.

Я много думала, много размышляла о том, как принести радость другим. Раз за разом я возвращалась к одной и той же тревожной мысли: доброту порой принимают за слабость, о неё вытирают ноги, как о придверный коврик, и, возможно, это вовсе не тот способ, не та дорога, что ведёт к сердцам людей. Но я хотя бы пробую, хотя бы пытаюсь нащупать путь — понять, как это сделать через мои произведения, которые являются частичкой меня самой. В каждую строку я вкладываю свою душу и своё сердце, без остатка, без оглядки. Я ищу вдохновение везде — в шорохе листьев, в случайном взгляде, в тишине между словами, — а мысли всегда роятся в голове, словно рой пчёл, что перевыполнил свой план по мёду и никак не может угомониться, всё жужжит, всё ищет, куда бы излить своё беспокойное золото.И всё же, посреди этого бесконечного жужжания, я научилась различать один звук — тихий, почти неслышный, как треск свечи в предрассветной тьме. Это голос того единственного читателя, для которого доброта не бессилие, а броня, сплетённая из света. Я пишу не для всех, я пишу для того, кто, устав от мира, открыл мою книгу и вдруг выдохнул — узнал себя. И ради этого одного выдоха стоит терпеть, когда по твоей доброте ходят ногами, как по половику у дверей.Помните, у Бродского: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить

в глухой провинции у моря». Так и с добротой: если выпало родиться с сердцем, открытым настежь, лучше жить не в кулаке, а в ладони — распахнутой, отдающей, не боящейся, что её отрубят или опустошат. Ведь даже Чернобыль имеет свой закат, и в этом закате есть своя невозможная, выстраданная красота. Мои произведения — это мой закат. Я стою на его краю и кричу в пустоту: смотрите, здесь было тепло, здесь горело сердце, и даже если пепел осядет на плечи — это пепел любви, а не поражения.Вдохновение — вещь жестокая и милостивая одновременно. Оно приходит без стука, как сквозняк, и уходит, оставив на столе остывший чай и чувство, будто тебя погладили по голове и тут же дали пощёчину. В шорохе листьев я слышу не осень, а чей-то шёпот: пиши, пока пишется. В случайном взгляде — не любопытство, а оклик: ну что, нашла? В тишине между словами — не пустоту, а паузу перед выстрелом, перед тем самым пробуждением, когда читатель вдруг поймёт, что не одинок в своей боли. Доброта, быть может, и не ведёт к сердцам напрямую, но она прокладывает тропу, по которой однажды пройдёт другой — тот, кому сейчас хуже, чем мне.И вот что я поняла за все эти бессонные ночи, пока мысли жужжали надо мной, как пчёлы над цветком, что никак не раскроется: радость не приносят. Её выращивают — медленно, терпеливо, из зерна, брошенного в чужую почву. Не проси благодарности, не жди аплодисментов. Аплодирует зал, а воскресает душа — в одиночестве, над строкой. И если хоть один чело-

век, дочитав мой текст, посмотрит на себя в зеркало и скажет: «Я не пустой», — значит, этот придверный коврик, по которому топтались, оказался ковром-самолётом, и я всё-таки взлетела.А что до слабости — так посмотрите, как сдаётся дерево под топором: оно падает тихо, но весной из пня поднимается побег, и вся роща оборачивается на этот зелёный жест, потому что сила, которая разрушала, уже ушла, а сила, которая рождает, — осталась. Так и с нами, пишущими и раздающими себя без остатка: нас топчут, нас не замечают, нас принимают за то, чем мы не являемся, — но в каждом, кто хоть раз уткнулся в наши строки и утёр слёзы, мы оставляем частицу своего золота. Рой продолжает жужжать. Свеча продолжает гореть. И это, быть может, и есть тот самый путь — не дорога к сердцам, а тропа, по которой сердца шагают к нам сами.Я часто думаю: доброта — это не характер, не воспитание, даже не выбор. Это климат. Внутренний климат человека, в котором растут вещи, не предусмотренные природой: прощение там, где по всем законам должна быть соль на ране; терпение там, где хочется хлопнуть дверью так, чтобы с петель слетела вся вселенная. Мы привыкли мерить силу кулаком, но настоящая сила — в ладони, которая разжимается. Кулак умеет только сжиматься, он обречён, он в тупике; ладонь же — единственное, что способно и держать, и отпускать, и принимать. Как сказано у Экзюпери: «Мы в ответе за тех, whom we приручили» — а приручить, по сути, значит позволить кому-то топтаться по твоему сердцу и всё

равно оставить дверь открытой.Меня часто спрашивают: зачем ты пишешь, если тебя читают единицы, если твои слова тонут в общем гуле, как монета в глубоком колодце? И я отвечаю: колодец не спрашивают, хочет ли он отражать небо. Он просто копит воду — тихо, годами, в темноте, — и однажды кто-то, изнывая от жажды, опускает туда ведро и вытаскивает не воду, а собственное отражение. Вот в этом всё дело. Мои тексты — не крик, не манифест, не попытка перекричать век. Это колодец. И если в нём кто-то однажды увидит себя — живого, не искажённого, не сломанного, — значит, вода была не зря.А слава? Слава — это река, которая уносит; доброта — это родник, который остаётся на месте, сколько бы из него ни пили. Я видела, как люди, добившиеся всего — тиражей, аплодисментов, портретов на обложках, — к старости обнаруживали себя в пустой комнате наедине с эхом собственного имени, и эхо это звучало как упрёк. А я видела старуху в деревне, которая всю жизнь раздавала соседям пироги и рассаду, и на её похороны пришло полсела, и каждый нёс в горсти хоть что-то — кто горбушку, кто цветок, кто просто своё молчание, — и это молчание было громче любого зала. Потому что доброта не оставляет после себя памятников. Она оставляет после себя людей, которые, глядя на мир, вспоминают, что их когда-то любили, — и сами начинают любить. И это, как говорил Достоевский, — «мир спасётся красотой», но красотой не фасада, а вот этого ржаного, тёплого, непарадного человеческого тепла.Я

знаю, о чём вы сейчас думаете: слишком много света, слишком много надежды, жизнь жёстче, и по ладони, открытой настежь, бьют больнее всего. Знаю. Сама носила на себе отпечатки чужих сапог. Но вот что я заметила: когда тебя топчут, ты либо становишься камнем — и тогда по тебе больше не больно, потому что камню не больно, — либо становишься землёй. Камень лежит и ждёт, когда его уберут. А земля — она в ответ на сапог рождает траву. И где-то в этой траве потом прячется от дождя кто-то маленький, дрожащий, и ему тепло. Вот и вся моя философия, если её сжать до одной строки: будь землёй, а не камнем, потому что даже топчущие однажды устанут и захотят прилечь — и лягут они именно на тебя, и ты их укроешь, и они уснут, не зная, что спят на том самом коврике, который сами же и вытирали ноги.А по ночам, когда жужжание стихает и остаётся только треск моей свечи, я слышу ещё один звук — тот самый выдох, о котором писала. Он гремит громче всех аплодисментов мира. Это мой единственный читатель нашёл строку, за которую стоит держаться, как за поручень в качающемся вагоне, — и выдохнул. И в этом выдохе — вся моя награда, весь мой тираж, вся моя Империя. Я не знаю его имени, не увижу его лица, но между нами уже протянута нить, тонкая, как свечной дым, и крепкая, как канат, натянутый над пропастью. И пока горит свеча, пока жужжит рой, пока по моей доброте ходят ногами, как по половику, — я буду писать. Потому что половик, у которого хватило смелости распахнуться, одна-

жды станет ковром-самолётом, и мы взлетим — все, кто хоть раз, устав от мира, открыл книгу и узнал в ней себя.И вот ещё что я знаю про этот внутренний климат: он не устанавливается сам, как погода за окном. Его приходится держать — как держат в руках птицу, которую нельзя ни сжать, ни выпустить. Доброта — это не состояние, это отопление. Кто-то должен вставать раньше всех и подкладывать дрова, пока другие спят, — и чаще всего этот кто-то не получает ни благодарности, ни грамоты, потому что тепло не замечают, замечают только его отсутствие. Люди приходят в натопленный дом, снимают мокрые пальто, греют ладони и говорят: «Как у вас хорошо». Они не спрашивают, кто колол эти дрова, кто нес их на себе через лес, срывая руки о кору. И это правильно, это и есть высшая механика добра: оно работает только тогда, когда его не видно, как не видно воздуха, которым мы дышим, — а попробуй отними.Но есть у этого климата и своя цена. За тепло всегда платят, и платят не монетой — монета была бы слишком простой сделкой. Платят тем, что внутри тебя поселяется сквозняк, о котором знаешь только ты. Я встречала людей, которые были солнцем для целого двора, для всего подъезда, для всех, кто стучался, — а по ночам сидели в темноте, потому что свет, который они раздавали, надо было откуда-то брать, и где-то в глубине у них уже давно перегорела лампочка, и они стыдливо жгли вместо неё свечу, чтобы никто не заметил. Доброта — это не отсутствие тьмы. Это решение не гасить свет даже тогда, ко-

гда тьма уже у тебя внутри. Потому что если погасить, станет легче — честное слово, станет! — но тогда зачем всё это было? Зачем были пироги, рассада, ладонь, открытая настежь, порванные жилы, ржаное тепло? Нет. Свеча горит именно потому, что темно. Иначе от неё никакого проку.И ещё я думаю вот о чём. Мы всё время ищем великих свидетелей — аплодисменты, залы, тиражи, портреты на обложках, — как будто доброта нуждается в нотариальном заверении. А она не нуждается. Она вообще не про свидетелей, она про свидетеля — одного, того самого, кто выдохнул над строчкой. У Толстого есть мысль, которую я ношу в кармане, как тёплый камень: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Простоты! Вот чего нам не хватает — простоты, которая не боится быть незамеченной. Добрый поступок, о котором никто не узнал, — это не потерянная монета, это семя, брошенное в чёрную землю в полночь. Оно прорастёт, когда никто не будет смотреть, — на рассвете, украдкой, как всё настоящее. И тот, кто однажды пройдёт мимо и увидит зелёный росток там, где вчера была голая глина, не будет знать, кто его посадил, — но улыбнётся, сам не понимая почему, и унесёт эту улыбку дальше, как горячую картофелину из костра в кармане.А теперь про камень и землю — одно уточнение, потому что я не хочу, чтобы вы меня поняли слишком мягко. Быть землёй не значит быть безропотным. Земля, на которой только топчутся, зарастает бурьяном и перестаёт родить — это не смирение, это истощение. Настоящая

земля умеет и отдыхать под паром, и огораживаться, и не пускать на свою грядку чужой сапог. Доброта без границ — это не доброта, это открытый кран, возле которого выстроилась очередь и никто не закрывает. Арина Родионовна, нянчившая гения, не была слабой — она была крепкой, как корень, и потому её хватило на целую поэзию. Сила ладони не в том, что она всегда раскрыта, а в том, что она знает, когда раскрыться, а когда — сложиться в замок и защитить то, что внутри неё горит. Разжать ладонь — акт воли, а не рефлекс. Запомните это, потому что нас учат обратному: нас учат, что мягкость — это когда не могут дать сдачи. Нет. Мягкость — это когда могли бы, но выбрали иначе, и выбор этот им дороже кулака.Так что пишите, если пишется. Пеките пироги, если есть мука. Держите дверь открытой, если есть кому войти, — но ставьте на порог хотя бы половичок, чтобы было чем вытереть ноги, и не стыдитесь этого половичка, потому что в нём тоже живёт доброта, просто она смотрит в другую сторону. И пусть над вашей свечой висит тьма, как занавес над сценой, — свеча от этого только ярче. Я по-прежнему не знаю имени моего читателя. Но я слышу его дыхание сквозь тысячи километров, сквозь бумагу, сквозь вату ночи — и в этом дыхании, трепетном и живом, как крыло мотылька, бьющегося о стекло, вся моя награда. Мы никогда не встретимся. Но однажды, в каком-нибудь качающемся вагоне, в каком-нибудь городе, где идёт дождь, кто-то оторвёт взгляд от страницы, посмотрит в мутное окно — и улыбнёт-

ся. Не мне. Себе. Тому, кого он в этой строке наконец узнал. И тогда я пойму, что колодец не зря копил воду, земля не зря рожала траву, а ладонь не зря разжималась. Мы взлетим. Непременно взлетим — все, кто хоть раз, устав от мира, открыл книгу и нашёл в ней не ответ, а себя живого.Творчество — это не цель. Не финишная лента, не трофей, который вручают за упорство, не вершина, на которую карабкаются, чтобы воткнуть флаг и гордо оглядеться. Оно — не пункт назначения, а сам путь: дыхание, которым живёт человек, пока идёт; ветер, что наполняет паруса и гонит лодку вперёд, даже когда берег давно скрылся из виду. Творчество — не трофей в стеклянной витрине, а живой огонь в ладонях: его нельзя закончить, им можно только гореть. Оно не спрашивает, куда ты держишь путь, — оно само и есть движение, и в этом движении человек узнаёт себя настоящего. «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — сказал однажды Пастернак, и эти слова звучат как приговор всякому, кто пытается запереть вдохновение в клетку результата. Ведь творчество — это не то, чего достигают. Это то, чем дышат.

Счастье

День. И в этой паузе, между глотком воздуха и глотком чая, между «уже поздно» и «ещё рано», мы вдруг останавливаемся — как путник, увидевший в снежной пустыне огонёк. Что приносит счастье, что греет душу, будто у камина сидя? Не громкие фанфары, не золотые кубки на полке — а тихое потрескивание поленьев, когда пламя лижет дрова, как котёнок блюдце с молоком, и ты понимаешь: вот оно, рядом, дышит в затылок, и не нужно никуда бежать.

Счастье не живёт в витринах. Оно прячется в мелочах, как солнечный зайчик в складках занавески, и поймать его можно только ладонью раскрытой — не сжатой в кулак. Вспомните: что греет сильнее огня? Память. Старая фотография, где ты ещё ребёнок, а мама молодая, смеётся так, что морщинки у глаз — как лучики. Запах пирога с корицей, который бабушка доставала из печи, обжигая пальцы о противень. Голос отца, читающего сказку на ночь, — низкий, спокойный, как гудение большого шмеля над клевером. Эти сокровища не купишь на аукционе, их нельзя потерять при переезде, они хранятся в самом надёжном банке — в сердце. И когда снаружи колючий ветер, ты открываешь этот сундук — и пламя воспоминаний согревает озябшие руки.

Но счастье — это не только прошлое. Оно прорастает и в настоящем, как подснежник сквозь снег, — упрямо, вопреки, назло всем прогнозам. Счастье — это утренний кофе, выпитый не на бегу, а с чувством, с толком, с расстановкой, когда пар поднимается над чашкой, как маленький домашний гейзер, и ты смотришь на него, как на чудо, хотя видел тысячу раз. Это разговор с другом, который понимает тебя с полуслова, — и полуслова хватает, потому что между вами проложен мост из тысячи общих шуток и молчаний, и этот мост выдерживает любой груз. Это работа, которая тебе по душе, когда время не тянется, а летит, как на крыльях, — и ты ловишь себя на мысли, что не заметил, как пролетел день, и это не страшно, потому что день был твой.

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Счастье — это не то, что ты получаешь, а то, что ты отдаёшь». И это не красивая фраза, это закон физики души: тепло, отданное другому, возвращается сторицей, как эхо в горах, которое крепнет с каждым откликом. Счастье — когда видишь, как загораются глаза близкого человека, и понимаешь: этот свет зажжён тобой. Оно как свеча: зажги её от своей — и огня не убавится, а мир станет светлее на целую свечу. Вот почему скупой никогда не бывает счастлив: он прячет свечу в сундук, а сундук не умеет светить, он умеет только хранить пыль.

Гёте говорил: «Счастье — это когда ты счастлив дома».

Не в смысле адреса, а в смысле состояния, когда душа наконец снимает тесные ботинки и вытягивает уставшие ноги к огню. Дом — это не стены, это люди, рядом с которыми не нужно притворяться. Это когда можно молчать, и молчание не будет неловким, как дырка в любимом свитере, которую ты уже не зашиваешь, потому что она стала частью уюта. Это когда смеёшься так, что болит живот, и никто не смотрит с осуждением, а все смеются вместе с тобой, и смех катится по комнате, как клубок шерсти, что котёнок гоняет по половику. Вот оно, счастье, — в этой лёгкости, в этой снятой броне, в этом разрешении себе быть.

А ещё счастье — это дорога. Не пункт назначения, а сам путь, когда ноги в пыли, а глаза горят. Когда видишь новое море, новую гору, новое лицо — и внутри что-то переворачивается, как страница книги, и ты понимаешь: мир больше, чем твой привычный маршрут от дома до работы. Счастье — когда сердце расширяется, как воздушный шар, и вмещает больше, чем вчера. Это когда пробуешь незнакомое блюдо и смеёшься над своей неловкостью, когда сбиваешься с пути и находишь что-то лучшее, чем искал. Конфуций сказал: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придётся работать ни одного дня в своей жизни». Но я добавлю от себя: выбери себе дорогу по душе — и каждый шаг будет как возвращение домой, даже если ты идёшь впервые.

Что греет душу, будто у камина сидя? Доброта. Чужая и своя. Случайная и намеренная. Когда незнакомец придержал дверь, когда коллега принёс тебе кофе без просьбы, когда ребёнок протянул тебе одуванчик, сорванный на газоне, — и ты берёшь его как драгоценность, потому что это и есть драгоценность. Эти маленькие искры, эти крошечные вспышки тепла складываются в костёр. И если каждый бросит в этот костёр хотя бы одно полено, зима станет короче, а мир — добрее. Счастье — не личная валюта, которую копят в сундуке. Это река, которая должна течь, иначе превратится в болото, и болото это зарастёт ряской равнодушия, и никто уже не вспомнит, что здесь когда-то была вода.

Потому что камин — не случайный образ. Камин — центр дома, его сердце, его солнечное сплетение. Вокруг него собираются, к нему тянутся руки, на него смотрят, когда не знают, что сказать. И счастье — тоже камин: оно собирает вокруг себя тех, кто дорог, оно требует топлива — внимания, времени, любви, — и оно даёт свет, который виден издалека. Поддерживай в нём огонь — и он не погаснет даже в самую лютую стужу. А если погаснет, не беда: угли ещё тёплые, стоит дунуть — и пламя вернётся, как верный пёс, который ждал тебя у порога, свернувшись клубком.

И ещё счастье — это умение видеть. Видеть облако, похожее на кита. Видеть, как кот умывается лапой, и умиляться.

Видеть, как ребёнок учится ходить, и болеть за него, как за любимую команду. Счастье — не отсутствие боли, это способность замечать свет даже в пасмурный день. Как сказал кто-то мудрый: «Не жди, что станет легче, проще, лучше. Не станет. Будут трудности всегда. Но научись быть счастливым прямо сейчас, иначе не успеешь». И это правда: счастье — не пункт прибытия, а способ держать руль. Оно не в том, чтобы дождаться солнца, а в том, чтобы научиться танцевать под дождём, шлёпая по лужам, как в детстве, когда резиновые сапоги были лучшей обувью на свете.

Так что же приносит счастье, что греет душу, будто у камина сидя? Всё и ничего. Всё — потому что оно рассыпано повсюду, как крупа, которую просыпал нерадивый хозяин, и ничего — потому что за ним не нужно идти за три моря. Оно здесь: в тёплой ладони, в знакомом голосе, в чашке чая, в книге, открытой на случайной странице, которая вдруг отвечает на твой вопрос. Оно в том, чтобы любить и быть любимым, прощать и быть прощённым, ждать и быть дождавшимся. Оно в тишине, которая не пустая, а полная — как дом, где все спят, и ты слышишь их дыхание, и это дыхание — самый надёжный в мире звук.

Подбрось полено. Сядь ближе. Протяни ладони к огню — и почувствуй, как тепло поднимается по рукам, доходит до сердца и остаётся там. Это и есть счастье: не гнаться за ним,

а позволить себе сидеть у камина и знать, что ты — дома. И пусть за окном воет вьюга, пусть метёт и заметает, — у тебя есть огонь, есть те, кто рядом, есть память и надежда. А больше ничего и не нужно. Ничего, кроме этого тихого, тёплого, живого мгновения, которое ты держишь в ладонях, как птенца, — бережно, чтобы не раздавить, и крепко, чтобы не улетел.

И вот ещё что важно: счастье не терпит суеты. Оно, как пугливая птица, садится на ладонь только к тем, кто умеет замереть. Мы живём в эпоху, где всё измеряется скоростью: быстрее ответить, быстрее добежать, быстрее заработать, — и в этой гонке мы проносимся мимо собственной жизни, как экспресс мимо маленькой станции, где нас ждали. А счастье стоит на этой станции с фонарём в руке и смотрит нам вслед. Оно не кричит, не машет, оно просто стоит и ждёт, пока мы наконец обернёмся. Экзюпери, снова он, оставил нам завет: «Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять». Мы разучились понимать простые вещи — что счастье пахнет не духами, а хлебом, что оно звучит не фанфарами, а скрипом половиц, что его можно потрогать — тёплым боком уснувшего рядом человека.

Возьмите любую мелочь — и всмотритесь в неё, как в каплю воды под микроскопом, и вы увидите целый мир. Стёр-

тая до блеска ручка двери, к которой прикасались сотни раз. Щербатая чашка, которую все обходят стороной, а вы любите именно за эту щербинку — она как шрам, как биография. Пятно на скатерти от пролитого когда-то вина, за которое давно никто не ругает, потому что оно стало семейным гербом. Счастье — это умение читать свою жизнь, как старую книгу с загнутыми уголками, где на полях твоей рукой нацарапаны слова, которые тогда казались важными, — и теперь ты улыбаешься, потому что понимаешь: важно было не это, а то, что ты был молод и глуп и счастлив, сам того не зная. Паустовский писал: «Счастье даётся только знающим». Знающим — не в смысле образованным, а в смысле умеющим знать, замечать, благодарить.

А благодарность — это, пожалуй, самый короткий путь к счастью. Не та благодарность, что говорится из вежливости, сквозь зубы, а та, что поднимается изнутри, как тесто на опаре, — сама, без понукания. Когда утром открываешь глаза и первая мысль не «о боже, опять», а «надо же, ещё один день мне подарен», — и этот день лежит перед тобой, как чистый лист, и ты волен написать на нём что угодно. Счастье — это считать не то, чего у тебя нет, а то, что есть, — и считать так, чтобы сбиваться со счёта от изумления. Две руки, чтобы держать. Две ноги, чтобы идти. Глаза, чтобы видеть закат, который сегодня будет единственным и неповторимым, потому что второго такого не будет уже никогда. И сердце,

которое умеет болеть и радоваться, — и это, может быть, величайший дар из всех, потому что камень не болит и не радуется, он просто лежит.

И вот ещё что: счастье любит повторяться, но не терпит однообразия. Оно как река — вода в ней всегда одна и та же и всегда новая. Вчерашний кофе не заменит сегодняшнего, вчерашний разговор не отменит нужды в новом слове. Поэтому не бойтесь начинать заново: заново учиться, заново влюбляться, заново прощать. Счастье — это не музей, где всё под стеклом и трогать нельзя, а мастерская, где руки в краске, в стружке, в глине, и каждый день ты лепишь что-то новое из того же теста. И если что-то не вышло — не беда, тесто ещё осталось, печь ещё тёплая, и запах — этот ни с чем не сравнимый запах живого дела — уже плывёт по дому, и все, кто рядом, поднимают головы и улыбаются, потому что поняли: сейчас будет что-то хорошее.

Так подбрось же ещё полено — и послушай, как оно заговорит, как затрещит, как вспыхнет с новой силой. Огонь ведь не умеет хранить обиды, он умеет только гореть. И если ты научишься у него этой простой науке — гореть, не считая, сколько уже сгорело, и не тревожась, сколько ещё осталось, — то поймёшь наконец, что счастье не где-то там, за поворотом, за горизонтом, за следующей зарплатой. Оно здесь. В этой комнате. В этом тепле. В этих людях, что сидят рядом и

молчат, и в этом молчании больше слов, чем во всех книгах мира. Протяни ладони — и держи. Не разжимай. Это твоё.

Гроза

Гроза осенняя гремит — и не где-нибудь там, за горизонтом, а прямо у меня над крышей, будто небо решило сыграть на барабанах соло. Мысли в голове пляшут, да так лихо, что позавидовал бы любой танцпол. А дождь по окнам бьёт — настойчиво, ритмично, с чувством, как будто требует, чтобы его впустили. Поэма, честное слово. Настоящая поэма, только без рифмы и с плохой звукоизоляцией.

Сентябрь у нас в этом году разошёлся не на шутку. Ну то есть как сентябрь — на дворе уже середина октября, а погода всё никак не определится, кем ей быть. Утром солнце, в обед тучи, вечером — вот тебе, получай грозу с полным комплектом: молнии, гром, ветер, дождь стеной. Я сижу с чашкой чая, смотрю в окно и понимаю, что природа сегодня явно проснулась не с той ноги — точнее, с той, но с очень громкой.

Мысли, между прочим, ведут себя совершенно безобразно. Одна скачет к незакрытым задачам, вторая — к разговору, который надо было провести ещё в прошлый вторник, третья вообще ушла в воспоминания о лете и не вернулась. Я пытаюсь их построить, выстроить в шеренгу по росту, а они разбегаются, как котята при звуке пылесоса. Гром — и все

снова врассыпную. Молния — и кто-то из них уже на люстре. Хорошо хоть, что вслух я не разговариваю. Пока.

Дождь по окнам бьёт с упорством человека, который точно знает, чего хочет. У него, в отличие от меня, есть план. У него есть ритм. Он выстукивает какой-то морзянкой своё «осень-осень-осень», и в этой морзянке слышится что-то очень честное. Мол, да, лето закончилось, да, будет холодно, нет, это не повод грустить. Грустить, говорит дождь, вообще не входит в мои планы. У меня, говорит, планы другие — смыть с города пыль, намочить листья, потом красиво их разбросать по асфальту. И ведь делает! Смотрю в окно — уже сделал. Тротуар под окнами усеян золотом и багрянцем, как будто кто-то щедрой рукой рассыпал конфетти, не пожалев.

Ветер тоже не отстаёт. Забирается под куртки прохожим, срывает шапки, гоняет по двору забытый кем-то пакет, который в этот момент, судя по траектории, ощущает себя птицей. Пакет кружит, подлетает, падает, снова подлетает — и в этом есть что-то невероятно воодушевляющее. Если пластиковый пакет может так самозабвенно танцевать в такую погоду, то и у меня, выходит, нет причин унывать. Философия уровня «всё сложно, но красиво», и я её сегодня целиком и полностью принимаю.

Гроза тем временем набирает обороты. Гром уже не просто гремит — он раскатывается, перекатывается с одного конца неба на другой, как будто кто-то очень большой и очень рассерженный катает по небесному чердаку мебель. Я делаю глоток чая и чувствую себя персонажем какой-то старой доброй истории: сижу в тепле, за окном бушует стихия, в чашке — пар, в голове — стихи. Ну, почти стихи. Пока что — просто пляшущие мысли, но кто знает, чем закончится вечер.

Вот в чём штука: такие вечера — они ведь не просто так. Они будто специально созданы для того, чтобы человек остановился. Не потому что нельзя выйти (хотя, признаем честно, выходить сейчас — затея так себе), а потому что непогода — это единственный легальный способ сказать самому себе: «Всё, пауза». Дождь стучит, гром гремит, и на фоне этого грандиозного оркестра собственные мелкие тревоги вдруг становятся какими-то… компактными. Удобными. Помещаются в ладонь. И можно наконец их разложить по полочкам, не торопясь, под аккомпанемент небес.

Поэма, между прочим, складывается сама собой. Не на бумаге — пока рано, пусть отстоится. А в голове. Дождь задаёт ритм, гром — ударения, ветер — паузы. Мысли вплетаются, путаются, выправляются, и вот уже чувствуешь, что этот вечер надо запомнить. Не ради красивой фотографии

(какая там фотография, в такую-то темень!), а ради вот этого чувства — когда сидишь один в тёплой комнате, а весь мир за окном поёт, гремит и пляшет, и ты вдруг понимаешь, что никогда ещё не был так уютно один.

Конечно, есть и издержки. Интернет моргает, как перепуганный. Свет мигнул дважды и затаился. Кот ушёл спать под одеяло, всем своим видом транслируя «я вас всех предупреждал». Ладно, кот, мы поняли. Но разве это повод жаловаться? Это повод заварить вторую чашку и зажечь свечу — не потому что надо, а потому что можно. Иногда вселенная буквально требует, чтобы ты немного замедлился и побыл в моменте. И за окном — вон какой грандиозный повод.

Гроза осенняя гремит — и я, знаете, рад. Мысли в голове пляшут — пусть пляшут, они это заслужили. Дождь по окнам бьёт — и это лучшая музыка для вечера. А поэма… поэма уже здесь. Сидит в кресле напротив, в чашке чая отражается, в стекле дождём стекает. Осталось только дождаться утра — и посмотреть, что из всего этого останется. Спойлер: останется уют, тепло и лёгкая грусть по лету. И, пожалуй, это лучший итог, какой только может быть у осенней грозы.

Смысл

Смысл — это не карта, которую вам выдают при рождении, а черновик, который вы исписываете каракулями, пока ластик не сотрётся до дыр. Мы живём в мире, где каждый день — это попытка прочитать чужую рукопись, написанную неразборчивым почерком, а собственная жизнь при этом лежит на столе в виде груды несвязанных страниц, перепутанных между собой, как провода в старой гитаре, которая давно не играет, но всё ещё пахнет струнами.

И вот вы стоите посреди этой бумажной бури, и вопрос «а есть ли смысл во всём этом» бьётся о ваши виски, как мотылёк о стекло лампы, которая давно перегорела, но вы всё ещё держите её в руках, потому что боитесь темноты. Смысл — это не то, что можно найти в учебнике по физике или в проповеди, где всё разложено по полочкам, как в аптеке, где каждая таблетка подписана, но ни одна не снимает ту боль, которую вы не можете назвать. Смысл — это скорее трещина в асфальте, через которую пробивается трава, и вы смотрите на неё, и думаете: «Даже здесь — жизнь, даже вопреки всему — рост». И в этом есть что-то ошеломляющее, как первый глоток кофе после бессонной ночи, когда мир внезапно становится резче, ярче, оглушительнее — и вы понимаете, что эта горечь и есть то самое, что будит вас ото сна, в кото-

ром вы были сами себе сценаристом, но забыли прописать развязку.

Древние говорили: «Познай самого себя». Но никто не предупреждал, что этот процесс похож на раскопки в собственном саду, где каждый слой земли хранит черепки старых амфор, обломки несбывшихся желаний, ржавые ключи от дверей, которые вы даже не помните, что когда-то открывали. И вы копаете, и руки в грязи, и лицо в поту, и внутри что-то ноет, как будто вы достаёте из земли своё же забытое сердце, завёрнутое в полиэтилен, и оно всё ещё бьётся, слабо, но бьётся. И тогда вы понимаете: смысл — это не вопрос, на который есть ответ, это скорее настройка, которую вы делаете в радиоприёмнике, когда сквозь шум и помехи вдруг прорывается любимая песня, и вы замираете, боясь пошевелиться, потому что знаете — эта волна уйдёт, но сейчас она ваша, и она бесценна.

Мы ищем смысл в больших вещах: в любви, в карьере, в путешествиях по экзотическим странам, где небо такое синее, что кажется, будто его покрасили для рекламы турагентства. Но правда в том, что смысл прячется в микроскопических зазорах между этими событиями — в том, как вы держите кружку с горячим чаем, когда за окном ливень, и вы чувствуете, что эта теплота — единственное, что не даёт вам раствориться в сером шуме города. Или в том, как вы пере-

читываете старое сообщение от друга, который уже уехал, а может, и умер, но его слова всё ещё светятся на экране, как светлячки, пойманные в стеклянную банку, и вы не выбрасываете их, потому что это — единственное доказательство того, что вы были живы в те времена.

Смысл — это не монумент, который вы ставите на главной площади своей жизни, чтобы прохожие указывали на него пальцами и восхищались. Это скорее камешек, который вы кладёте в карман, и он греется от вашего тепла, и вы иногда достаёте его и трогаете, и он напоминает вам, что вы что-то знаете, что-то помните, что-то умеете — даже если весь остальной мир кажется вам неразрешимой загадкой без ключа. Есть фраза, которая меня цепляет: «Жизнь — это то, что происходит, пока вы заняты планами». И я думаю, что смысл — это именно то, что происходит в промежутках, когда вы перестаёте искать. Это как когда вы отчаянно ищете очки, а они всё это время были у вас на лбу — и мир вдруг становится чётким, но только после того, как вы перестали паниковать и просто сели на диван, вздохнули и улыбнулись собственной глупости.

И тогда вы понимаете, что вопрос «есть ли смысл» — это не приговор, а приглашение. Это как стоять на краю обрыва и смотреть вниз, где река плетёт свои узоры между камнями, и вы не знаете, куда она течёт, но вы знаете, что она течёт —

и этого достаточно, чтобы шагнуть вперёд, не потому, что вы уверены в пункте назначения, а потому что само движение уже есть ответ. Смысл — это то, что вы создаёте, когда признаёте, что не всё поддаётся объяснению, и что в этом необъяснимом есть своя красота, как в старой картине, которую вы не можете разгадать, но которая не отпускает вас, потому что в её мазках — что-то ваше, живое, незавершённое.

Поэтому, когда вы снова спросите себя, есть ли смысл во всём этом, вспомните: вы — не зритель, который ждёт развязки. Вы — актёр, который импровизирует, режиссёр, который меняет сценарий, и зритель, который аплодирует, даже когда сцена проваливается. Смысл — это не финальная сцена, это весь этот нелепый, шумный, многослойный спектакль, в котором вы играете сами себя, и иногда забываете слова, и иногда смеётесь невпопад, и иногда плачете в темноте — но вы играете, и именно поэтому вы живы. И как писал великий мудрец: «Мы не ищем смысл, мы создаём его». И это создание — вот единственная настоящая поэма, которую мы можем написать, не заботясь о том, прочтёт ли её кто-нибудь, потому что главный читатель — это мы сами, и мы уже знаем каждое слово наизусть.

Мы привыкли думать, что смысл — это что-то вроде маяка, который должен стоять на берегу, незыблемый и бетонный, чтобы в любую бурю указывать путь. Но я всё чаще ловлю себя на мысли, что смысл — это не маяк, а скорее костёр,

который мы разжигаем на песке, зная, что прилив всё равно его погасит. И мы сидим у этого костра, подбрасываем в него свои страхи, свои обрывки планов, свои несбыточные мечты, и смотрим, как они трещат и искрятся, и в этом огне есть что-то первобытное, что-то от тех времён, когда человек ещё не умел писать, но уже умел сидеть в темноте и смотреть на огонь, и ему было достаточно этого зрелища, чтобы не бояться ночи. Смысл — это не то, что остаётся после нас, это то, что происходит с нами, когда мы горим, когда мы тлеем, когда мы превращаемся в пепел, но при этом чувствуем, что теплота — это не пустая трата, а единственная валюта, которой мы можем заплатить за право быть здесь.

И вот я вспоминаю строки из книги, которую читал давно, где было написано: «Мы не можем смотреть на солнце, но мы можем смотреть на тень, которую оно отбрасывает, и понимать, что солнце есть». Так и со смыслом: мы не можем увидеть его напрямую, мы видим только его отражение — в том, как мать поправляет одеяло на спящем ребёнке, как старик кормит голубей на площади, как двое спорят о пустяках, а потом смеются, и в этом смехе есть что-то большее, чем сами слова. Смысл — это тень, которая бежит впереди нас, когда мы идём против ветра, и мы не знаем, что она рисует на земле, но мы знаем, что она движется вместе с нами, и это движение — единственное, что мы можем назвать своим. Мы ищем ответы, но ответы — это просто слова, а

смысл — это интонация, с которой мы их произносим, это пауза между ними, это взгляд, который мы бросаем на собеседника, когда молчим, и в этом взгляде — целая вселенная, которую невозможно пересказать, но можно почувствовать, как чувствуют запах дождя, который ещё не начался, но уже висит в воздухе.

А потом я думаю о тех, кто говорит, что жизнь — это дорога, и что смысл — это пункт назначения. Но я всё чаще склоняюсь к тому, что жизнь — это не дорога, а река, и смысл — это не устье, а течение, которое никогда не повторяется. Вы входите в одну и ту же воду дважды, но вода уже другая, и вы тоже другой, и это различие — вот где живёт смысл. Это как смотреть на одно и то же дерево каждый день, но замечать, что листья меняют оттенок, что ветки скрипят по-новому, что на коре появляются трещины, и вдруг вы понимаете: вы не смотрите на дерево, вы смотрите на время, которое струится сквозь него, и это время — ваш единственный настоящий попутчик. Смысл — это не то, что вы находите, это то, что вы признаёте, когда перестаёте требовать от мира отчёта о каждом шаге. Это как момент, когда вы перестаёте считать вдохи и просто дышите, и вдруг замечаете, что воздух имеет вкус, что лёгкие расширяются, как паруса, и что сам процесс дыхания — это уже ответ, потому что вы дышите, а не задыхаетесь.

Я вспоминаю, как однажды видел человека, который стоял на берегу и смотрел на море, не делая ничего. Он не ловил рыбу, не фотографировал, не говорил по телефону. Он просто стоял, и ветер трепал его волосы, и в его позе было столько тишины, что мне стало неловко за свою собственную суету. Я понял, что он не ждёт чего-то от моря, он просто признаёт его существование, и в этом признании есть глубочайший смысл, потому что признание — это не поиск, это уважение к тому, что уже есть. И я подумал, что смысл — это не завоевание, это принятие, это умение сказать: «Я не знаю, зачем я здесь, но я здесь, и это важно». Это как писать письмо, не зная адресата, но писать его с таким старанием, как будто адресат — это сама жизнь, и она читает каждую строку, даже когда мы не видим её лица.

И вот мы возвращаемся к тому, с чего начали: смысл — это черновик, который мы исписываем каракулями. Но я хочу добавить: черновик — это не то, что мы должны переписать набело. Черновик — это единственная версия, которая у нас есть, и его каракули — это не ошибки, это следы нашего движения, это заломы на бумаге, которые появляются, когда мы торопимся зафиксировать мысль, пока она не ускользнула. И мы должны научиться любить эти каракули, потому что в них — наш почерк, наша дрожь, наша неуверенность, которая на самом деле и есть честность. Смысл — это не чистая страница, это исписанная, измятая, в некоторых местах

порванная страница, но она пахнет чернилами, и она наша. И когда мы смотрим на неё, мы не видим беспорядка, мы видим историю, которая не может быть рассказана иначе, и эта история — единственное, что мы можем оставить после себя, когда ластик сотрётся до дыр, а мы перестанем бояться темноты, потому что у нас будет эта страница, и мы будем читать её вслух, и голос будет дрожать, но это будет наш голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.